

Владимир Кунин

Пилот первого класса

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Пилот первого класса

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126423

Пилот первого класса: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-3500-6

Аннотация

Василий Селезнев – командир эскадрильи гражданской авиации на небольшом аэродроме в степном городке. К будничным командирским заботам прибавляется и беспокойство за подчиненных. Молодой и не очень дисциплинированный Димка Соломенцев то и дело попадает в истории. Старый опытный пилот Сергей Сахно постепенно теряет зрение, но не мыслит жизни без полетов. А Виктор Азанчеев, кажется, влюблен в жену Селезнева Екатерину... Жизнь аэродрома выглядит неспешной и тихой, однако череда происшествий резко меняет ее течение.

Содержание

Селезнев	5
Лена	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Кунин

Пилот первого класса

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Герои этой повести – ее авторы.

Каждый из них будет сам рассказывать о себе и о том, что происходило на его глазах. Иногда об одном событии мы услышим от нескольких человек, и, как это бывает обычно, оценки окажутся неодинаковыми. Тогда мы, естественно, сами попытаемся понять истину и на какое-то время станем участниками этих событий.

По всей вероятности, в рассказе одного мы услышим уже знакомые интонации другого: кому-то покажется, что эти люди очень похоже острят, негодуют, радуются...

Это происходит потому, что герои нашей истории тесно и неразрывно связаны друг с другом, служат одному и тому же делу и веруют в одну и ту же высшую силу – в авиацию...

Селезнев

По хорошей погоде метрах в пятистах от земли потихоньку топают самолет под названием Ан-2...

А в кабине его, там, где должны сидеть два пилота, сижу я один, командир отдельной Добрынинской авиаэскадрильи, товарищ Селезнев Василий Григорьевич.

Мне тридцать девять – тот самый возраст, когда человека моего склада начинает тянуть на кокетливую беспощадность к самому себе и мучают постоянные попытки разглядеть собственное нутро.

Про таких, как я, женщины говорят «представительный мужчина». За последние несколько лет я слегка располнел. Но рост у меня вполне приличный – сто восемьдесят два, и эта полнота меня ничуть не портит. Вот разве только лицо, когда я надеваю наушники, становится чуточку бабьим. Дужка наушников плотно прижимает волосы, приплюскивая голову сверху, а сами наушники расширяют мою физиономию. И хотя я понимаю, что это всего лишь оптический обман, этот обман мне не очень нравится.

Вообще-то на Ан-2 одному летать не положено, но вторых пилотов у нас почти всегда не хватает, а у меня есть специальный допуск – разрешение летать одному. Такие разрешения даются только очень хорошим летчикам. Очень опытным. А я как раз именно такой. И хороший, и опытный.

Год тому назад со мной в несколько рейсов ходила одна пожилая москвичка – специальный корреспондент столичного журнала. Не знаю, что ей там поручила редакция – то ли «вести из глубинки», то ли «портрет современника», то ли еще что-нибудь в этом роде, но получилось у нее вполне пристойно, хотя и слегка по-дамски: «...Его профессионализм угадывается по мелочам: по тому, как он сидит за штурвалом – легко, свободно; по расслабленному галстуку и расстегнутому воротничку рубашки; по спокойным, внимательным глазам Селезнева; по тому, как он смотрит на землю, на приборы, как красиво, почти незаметно работает штурвалом, как привычно передвигает рычаги сектора газа и шага винта на пульте. Даже по тому, как он говорит с землей: ларингофоны у него не застегнуты на шее, а просто висят на штурвале. И когда нужно сказать что-то земле, Селезнев снимает их, прижимает к горлу и, поглядывая на горизонт, говорит земле всякие свои авиационные слова. Вот, пожалуйста: что-то пробормотал в ларинги, улыбнулся, посмотрел на приборы и, насвистывая, начал снижение...» Ну и так далее...

В общем, все довольно грамотно, о нас пишут куда хуже. Не ругают, а просто пишут бездарно – барабан и литавры. Есть несколько профессий, которые ругать в печати не принято. Ну и наша в том числе... Так что эта журналистка еще оказалась на высоте. Занятная она... Очень занятная. Мы с ней на одной «точке» часа два просидели – мне вылета не

давали, погода расхандрилась, – так она мне рассказала, как в сорок втором году она Омскую бронетанковую школу кончала и механиком-водителем на Т-34 до Студзянок дошла – это около ста километров от Варшавы...

Когда журнал с ее статейкой вышел, я, конечно, от начальства легкий втык получил и за расслабленный галстук, и за расстегнутую рубашку, и за ларингофоны, висящие на штурвале. У нас такие штучки не очень любят. Ни для кого не секрет, что и то, и другое, и третье имеет место, но дело это наше, келейное, и предъявлять свою расхлябанность широким слоям трудящихся нечего! «В смокинг вштопорен, побрит что надо...» – вот показательный образ сотрудника Министерства гражданской авиации. А то, видите ли, ему ларингофоны на шее лень застегнуть!..

...Пора начинать снижение. И пока самолет будет терять высоту, в моей голове пронесутся легкие и приятные мысли, совершенно не мешающие отсчету оставшихся до земли метров и не отвлекающие от такого сложного момента, как посадка. «И это еще одна из черт высокого профессионализма Василия Григорьевича...» – как написала бы эта столичная журналистка.

А думаю я в первую очередь о самом себе. И обо всем остальном, что связано со мной самим. Однако мысли мои, столь четко направленные только к собственной персоне, не должны ни у кого вызывать даже малейшего раздражения. Я обладаю достаточным запасом юмора, и прекрасная иронич-

ность защитного цвета, с которой я воспринимаю все свои достоинства и успехи, дает мне право думать о себе как угодно и сколько угодно.

Три года назад я привез в этот чистенький, ухоженный городок Катерину – ей тогда было двадцать семь, трехлетнюю Ляльку, несколько чемоданов и приказ начальника территориального управления гражданской авиации о моем назначении командиром отдельной Добрынинской авиаэскадрильи.

С легкостью, удивительной для большого города и абсолютно естественной для маленького, Катерина сразу же получила место врача эскадрильи, а Лялька – с невероятным трудом, что характерно для маленьких городов, – место в детском саду.

Я знал, что в управлении меня считали лучшей кандидатурой на должность командира вновь организованного подразделения. У меня были прекрасный послужной список, большой налет часов, значительный опыт работы в сложных горных условиях, где истинная высота полета зачастую на полторы-две тысячи метров меньше приборной, и еще масса необходимых для командира достоинств. Я был исполнитель и неназойлив, я не досаждал начальству рапортами о переводе в «большую» авиацию, точно следовал всем инструкциям и наставлениям и был морально устойчив.

Кроме всего, я принадлежу к той счастливой категории людей, которые в одинаковой степени нравятся и мужчинам, и женщинам. И, что самое главное, я научился так легко и

незаметно пользоваться своим обаянием, так тонко сделал его основным принципом общения и с начальниками, и с подчиненными, что и те и другие не могли на меня нарадоваться. Причем, ведя себя таким образом с начальством, я не преследовал никаких корыстных целей. Просто я доставлял удовольствие начальству иметь такого подчиненного, как я.

Ну а мои подчиненные уже через год стали приписывать мне целый ряд благородных поступков, которых я не совершал, смелых, лихих словечек, которых я не произносил, и удивительных историй, в которых я не участвовал. Это ли не признание авторитета командира?! Мало ли подобных примеров знала история?

Когда же слухи об этих словечках и поступках доходили до моих собственных ушей, я начинал так весело отказываться от них, так был ироничен к самому себе, что люди уходили от меня совершенно покоренные мною и убежденные в том, что именно я и есть истинный герой всех этих легенд... Так мудро, ничем не отягощая свою совесть, я выигрывал раунд за раундом.

...Когда до земли оставалось метров триста, слегка трянуло двигатель. И тут же со мной произошла обычнейшая история: малейшие изменения в режиме работы мотора чуть ли не коренным образом меняют направление моих мыслей. Я начинаю думать о паршивой ремонтной базе, о размытых посадочных полосах в колхозах, о близкостоящих высоковольтных линиях, о нехватке вторых пилотов и о том, что

моя эскадрилья не такое уж «общество взаимного восхищения», как это может показаться со стороны...

Я думаю о Сергее Николаевиче Сахно, которому уже пятьдесят пять, и он, кажется, плохо видит, а все еще летает, и каждый год буквально чудом, одному ему известным чудом, продирается сквозь медицинскую комиссию... Я думаю о его жене, Надежде Васильевне, нашем радисте, у которой никогда не было детей и которая все свое нерастраченное материнство перенесла на старого и седого Сахно.

О Димке Соломенцеве, об этом молодом щенке, пилоте с Яка-12. Наш, как говорится, «позор семьи». Ужасное дитя века, перед которым сложили бы все свое педагогическое оружие и Песталоцци, и Ушинский, и Макаренко.

Я думаю о недавно пришедшем к нам очень хорошем летчике Викторе Кирилловиче Азанчеве...

О своей жене Кате.

Об Азанчеве и о Кате...

Чтобы не думать об Азанчеве и Кате, я настойчиво и трусливо заставляю себя думать о размытых посадочных полосах и паршивой ремонтной базе.

Что-то начало такое происходить, чего я никак не могу понять и во что никак не могу поверить... А может быть, я все это напридумывал? И нет там ничего такого, а я себе уже черт знает что вообразил...

...Я заложил крен и так точненько вышел на прямую, что просто любо-дорого!..

Последнее время я стал болезненно чуток к явлениям, так сказать, второго плана. Меня почти не волнуют события, развивающиеся открыто, – будь они приятными или неприятными. Но вот я, например, утратил многолетнее и привычное ощущение крохотной радости возвращения на свой аэродром. И это меня пугает. Я напряженно пытаюсь обнаружить скрытый смысл в любой невинной фразе, я тщетно стараюсь поймать любопытствующий взгляд, устремленный на меня, я беспричинно нервничаю и все время себя сдерживаю – и от этого нахожусь в состоянии постоянного напряжения. И это очень противно. От всего этого испытываешь буквально физическое недомогание.

...Я потихоньку потянул на себя штурвал и через мгновение услышал легкий удар и привычное сухое шуршание колес о землю.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, как никогда!..»

Моя машина развернулась на полосе и покатила к стоянке. Я идеально точно загнал ее в заранее поставленные стояночные колодки, заглушил двигатель и с последним выхлопом вдруг подумал о том, что, если бы я не был профессиональным летчиком и не знал бы до обидного ограниченные возможности своего самолета, я мечтал бы о нескончаемых полетах с очень редкими возвращениями на землю...

Не вставая из кресла, я стянул с себя старую, вытертую кожаную куртку, достал китель, надел его и застегнулся на все

пуговицы. А потом снял с крючка фуражку, слегка взъерошил примятые дужкой наушников волосы и надвинул козырек на лоб. Поглядел в зеркальце, самую малость фуражечку еще набок передвинул и достал портфель из-за кресла. Все это я делал расчетливо, медленно, сознательно растягивая время, чтобы успеть хоть частично освободиться от хандры и прийти в форму. И когда наконец я встал и вылез из своего кресла, я увидел, что к моему самолету быстро идут начальник отдела перевозок, старший инженер и бухгалтер.

Я распахнул дверь в салон, улыбнулся суетящимся пассажирам и сказал:

– Не торопитесь, друзья мои, не торопитесь!..

Я прошел мимо кресел, и когда взялся за ручку фюзеляжной двери, в глубине салона раздался тоненький трагический поросячий визг, приглушенный пыльной мешковиной. И тут же чье-то бормотание, чей-то смешок, какая-то возня...

И все это вместе вдруг наполнило меня такой щемящей тоской, что я даже вслух пробормотал: «О господи!..» – и отчаянно рванул замок двери. Дверь распахнулась, я спрыгнул на землю и судорожно набрал полную грудь воздуха, будто вынырнул из-под смертельной водяной толщи.

А за мной посыпались пассажиры. В райцентр прилетели. Кто по делам, кто за покупками.

И сразу ко мне трое: начальник перевозок, инженер и бухгалтер. А я смотрел на них, приветливо махал рукой и ста-

рался сдерживать рвущийся из груди выдох. А еще я мечтал, чтобы они провалились к чертям собачьим...

– Василий Григорьевич! – сказал инженер. – Завал на техучастке! Иванова ушла в декрет, а та, которую вы прислали, так она шплинта от гайки отличить не может. На кой хрен мне такая кладовщица?!

Я потихоньку выдохнул воздух и про себя отметил, что почти ничего не понял из того, что мне говорил инженер. Но я улыбнулся, загнул один палец и сказал:

– Раз! – И повернулся к бухгалтеру: – Давай!..

– Василий Григорьевич! – сказал бухгалтер. – Экипаж, который в Журавлевке на химработках, какой-то дрянью отравился – второй день не летают... Председатель лается, просит замену, да еще и деньги грозится снять с нашего счета!..

– Два! – Я уже совсем пришел в себя, загнул второй палец и повернулся к начальнику перевозок: – Ну?

– Василий Григорьевич, – сказал начальник перевозок. – Там из-за этого груза... Помните, накладная двадцать четыре триста десять? Целый скандал! Получатель все утро трезвонит – житья не дает. Поговорите вы с ним сами, ну его к черту!..

– Три! – Я загнул третий палец и с шутливым сочувствием покачал головой, всем своим видом показывая, что я полностью с ними согласен, что все это возмутительно, что не пройдет и пятнадцати минут, как я с помощью таких прекрасных соратников, как бухгалтер, инженер и начальник

перевозок, все это устранию, налажу, и эскадрилья снова заживет светлой и радостной жизнью...

Я ободряюще подмигнул каждому: дескать, ничего страшного, дорогие мои друзья, это мы все мигом... Командир я, мол, или не командир?! И вообще взвейтесь, соколы, орлами!..

Я примерно так им и сказал:

– Все? Не смертельно. Вперед, орлы! Сейчас разберемся...

И действительно, не прошло и получаса, как кладовщица была найдена, а журавлевский председатель колхоза, сменив гнев на милость, кричал про лещей, каких я сроду не видывал, и я обещал прилететь к нему на его знаменитую рыбалку, если он к лещам еще чего-нибудь припасет. И председатель, пробиваясь сквозь телефонный треск и затухания, обещал далеким и слабым голосом собственноручно сварить мне такую уху, что эта уха мне десять лет жизни прибавит...

Инженер и бухгалтер ушли из моего кабинета веселые и довольные. Наверное, я лишний раз убедил их в своей административно-дипломатической гениальности, потому что в течение всего моего разговора по телефону они восхищенно переглядывались, тихо посмеивались и удивленно покачивали головами. На какое-то мгновение я стал противен сам себе за этот эстрадный номер, за то, что не просто разговаривал с председателем журавлевского колхоза, а показывал своим подчиненным, как нужно разговаривать с «председа-

телями». И когда положил трубку, я мысленно дал себе слово обязательно слетать в Журавлевку просто так, без всяких дел.

С начальником отдела перевозок было сложнее. Начальник перевозок был глуп и уже успел наломать дров с этим грузом.

Сидя на краешке письменного стола, я пытался успокоить разъяренного грузополучателя, а начальник перевозок стоял рядом и по моим ответам силился понять, что про него говорят на том конце провода. И хотя про него там ничего не говорили, а в основном чихвостили меня, я время от времени грозно поглядывал на начальника перевозок и один раз даже показал ему кулак.

В своих претензиях грузополучатель был конкретен и яростен, а я в своих ответах мягок и демагогичен.

– Есть для меня законы, есть! – говорил я в трубку. – И даже больше, чем для кого бы то ни было. Мы летаем по инструкции, возим по инструкции и живем по инструкции...

Тут мне такое ответили, что в другое время я бы... Но сейчас я только рассмеялся и ответил:

– Нет, в этих случаях мы обходимся без инструкций... Да и вы, я думаю, тоже.

Мне еще немножко наговорили гадостей и под конец упрекнули в желании перессориться со всей клиентурой.

Тут я понял, что пришла пора брать инициативу разговора в свои руки, и сказал фразу, на которую, по моим расчетам,

ответить было нечего:

– Да нет... Вы меня не поняли. Я не собираюсь ссориться. Я за то, чтобы каждый на своем месте делал свое дело толково и честно...

И угадал. Разговор окончился взаимными приветствиями и обещаниями помогать друг другу до последней капли крови.

Я положил трубку, посмотрел на начальника перевозок и сказал:

– Убить тебя мало.

– Василий Григорьевич! – простонал начальник перевозок.

– Борис Иванович! – строго прервал я его. – Тебя за эти штучки убить мало. Немедленно отправить груз. Ясно?

– Так точно.

– Выполняйте.

– Слушаюсь.

Начальник перевозок почему-то на цыпочках вышел из кабинета и осторожно притворил за собой дверь.

Снова заверещал телефон. Я долго не мог понять, чего от меня хотят, и когда наконец понял, то сказал:

– Обязательно привезут ваш двигатель... Вы давайте свою машину сюда и через часок можете его забирать. Одну секундочку, я сейчас это кое с кем уточню...

Однако связаться с диспетчерской я не успел. Открылась дверь, и в кабинет заглянула Катерина. А за ней моментально

протиснулась Лялька.

Я прикрыл трубку рукой, подмигнул Катерине и вопросительно поднял брови.

– Васенька, прости, пожалуйста, – быстро проговорила Катерина. – Мне хотелось только узнать, будешь ли ты сегодня обедать дома.

«Нет, нет!.. Не может быть... Я это все себе сам придумал», – пронеслось у меня в голове. Я так обрадовался, что Катерина и Лялька вдруг заглянули ко мне в кабинет, даже какой-то комок в горле помешал мне им сразу ответить. Сказать, что я обязательно буду обедать дома, что у меня больше нет на сегодня вылетов и что вечером все втроем мы непременно пойдем в кино, Катерина, я и Лялька. И плевать, что вечером детям до шестнадцати!.. У меня директор там знакомый...

Но в это время в кабинет вошел Виктор Кириллович Азанчеев. Он улыбнулся оглянувшейся Катерине и тихонько дернул Ляльку за кончик косы. Лялька весело боднула его головой в руку.

«Все может быть... – подумал я. – Все!»

– Виноват... – сказал я в трубку и снова прикрыл ее рукой.

Я внимательно посмотрел на Катерину, Азанчеева и Ляльку. Впервые я видел всех их вместе. И тут мне пришло в голову, что, если бы я не знал, кто такой Азанчеев и что Катерина моя жена, а Лялька моя дочь, я принял бы их за одну милую, дружную семью. А еще я подумал, что они прекрас-

но выглядели бы на фотографии. Такие фотографии обычно посылаются стареньким родителям с трогательными стереотипными надписями на обороте...

– Одну секунду, Виктор Кириллович, – сказал я Азанчеву и посмотрел на Катерину: – Итак, мадам?

– Я подумала о том, что, если ты не будешь обедать дома, мы с Лялькой перекусим в столовой.

– Прекрасно! – согласился я.

– Папа, возьми меня в рейс! – выкрикнула Лялька.

– Сначала пройди у мамы медосмотр.

– Прости, пожалуйста... – Катерина повернулась и вышла, таща на буксире Ляльку.

Я рассматривал Азанчеева. «Все может быть... – думал я. – Все!»

– Василий Григорьевич, – сказал Азанчеев. – Загрузка всего сорок процентов. Может быть, не делать два рейса, а сделать один сдвоенный?

– Виктор Кириллович, – рассмеялся я, – считайте, что вы внесли неоценимый вклад в научную организацию труда. Утрясите это с отделом перевозок, и добро.

Азанчеев кивнул и вышел.

– Виноват... – снова сказал я в трубку, нажал клавишу внутреннего переговорного устройства и наклонился к микрофону: – Иван Иванович, кто пошел в Ак-Беит за мотором для кинопередвижки?

– Соломенцев. Як-двенадцатый, борт триста семнадца-

тый. Вылет в девять сорок, – ответил динамик голосом Ивана Ивановича Гонтового.

– Понял... – сказал я и усомнился в успехе дела. Однако в телефонную трубку сказал: – Ну вот, оказывается, все прекрасно! Вылетел он в девять сорок... Туда пятьдесят минут. Да там, пока погрузят, пока что... И обратно – час пять, час десять. А обратно ветер встречный. А как же? Вы не учитываете, а нам приходится.

Когда я положил трубку, мне вдруг захотелось снять китель и прямо тут, в кабинете, лечь на пол и полежать минут тридцать, закрыв глаза, ни о чем не думая, ничего не вспоминая. Желание было столь велико, что я даже испугался. Я резко встал и несколько раз глубоко вздохнул. Затем сел за стол и преувеличенно деловито записал на перекидном календаре: «Накладная 24310» – и поставил три восклицательных знака. Но это мне не помогло. В памяти неожиданно всплыл тоненький пороссячий плач, приглушенный мешком, чье-то бормотание, чье-то хихиканье...

И снова какое-то странное, неведомое до сих пор ощущение тоски сжало мое сердце.

Напряженно и неподвижно я сидел за столом, тупо уставившись в плакатик над дверью: «Быстрые действия в воздухе – результат длительных раздумий на земле...»

Лена

Наверное, во всей этой истории все-таки виновата я. Как говорят французы, «шерше ля фам», что означает – «ищи женщину». То есть не просто ищи женщину, а если ты хочешь обнаружить корень какой-нибудь неприятности, то, докопавшись до истины, ты найдешь там женщину. Так вот, этой женщиной была я. Не совсем женщиной, но вы же понимаете, что я имею в виду. Знаете, как в анкетах – пол женский...

Я и представить себе не могла, что существуют такие аэродромы. «Степь да степь кругом...», избушка на курьих ножках, длинная деревянная палка, торчащая рядом с избушкой, а на конце этой палки полосатый сачок. Все! Ах нет... Еще при избушке с сачком какой-то совершенно опереточный дед в телогрейке, валенках и в фуражке гражданской авиации. Это при плюс двадцати пяти! Фантастика!.. Но если быть честной до конца, то я тоже была хороша. Вьетнамские джинсы, долго бывшие в употреблении; очень миленькие, почти целые кеды; что-то типа кофточки и зеленая в прошлом форменная куртка студенческого стройотряда с матерчатым знаком университета на рукаве. И есть я хотела, как семеро волков!

Мы сидели с этим утепленным дедом на ступеньках его домика и ждали какой-то дурацкий самолет, который должен

был прилететь за каким-то дурацким двигателем для кино-передвижки...

Меня уже буквально тошнило от голода, и я все время ждала, что этот дед вот-вот начнет действовать в лучших литературных традициях: спросит, не голодна ли я, а потом накормит «чем бог послал». Тем более что ни ему, ни богу не пришлось бы ломать себе голову, чем бы меня накормить. Я была согласна на краюху хлеба. Но этот служитель авиакульты, наверное, от старости перезабыл все благородные сказочки, в которых кормят голодных девочек. Я ему уже раза три рассказывала про то, как я заболела, как лежала в колхозной больничке, как уехал мой стройотряд, как я, бедняжка, осталась здесь одна и как мне теперь сложно добираться до Москвы, а он ухом не вел.

Только время от времени вставлял: «Да-а-а...», или «Де-ла-а...», или «Скажите, пожалуйста!» И это вовсе не означало, что ему безумно хочется узнать, что же со мной было дальше. Наоборот, промычав «да-а-а...», он тут же начал говорить о своих болезнях или поднимал голову, смотрел чуть мутновато-голубыми глазками, как у врубелевского Пана, на свой полосатый сачок и говорил:

– Ежели б сюда радиооборудование, этой площадке цены бы не было... – И длинно сплевывал.

– А почему на вашем аэродроме нету радио? – вежливо спросила я.

– Ну разве ж это аэродром? Это же «точка»...

– А в Хлыбово отсюда самолеты летают?

– Нет. В Хлыбово не ходят. До Добрынина – будьте любезны. А в Хлыбово нет... Прислали бы радиооборудование, радиста, и ажур... Что, здесь места мало? – И старик презрительно сплюнул.

– А Добрынино – это где? – поинтересовалась я.

– А это километров полтораста не доходя до Хлыбова.

– А из Добрынина поезда в Москву идут? – с надеждой спросила я.

– Нет... В Москву только через Хлыбово...

«Так! Еще одна порция компота!..» – подумала я и затосковала.

– Ну хоть в Добрынино-то можно?

– Это будьте любезны! – с удовольствием сказал старик. – Сергей Николаевич сядет, я ему скажу, и... ажур!

– А он возьмет?

– Я ж скажу! Меня Сахно завсегда слушает, – расхвастался старик. – Мы с ним, знаешь!.. Мы с ним кореша давние!

– А он кто? – без всякого любопытства спросила я. Нужно же было о чем-то спрашивать... Дико хотелось есть!

Старик поглядел на часы, на небо и, как мне показалось, торжественно ответил:

– Самый лучший летчик повсюду. – Подумал немного и виновато добавил: – Только немного старый...

Минут через десять прилетел самолет. Я не знаю, как он называется, – такой маленький и с пропеллером.

Он прокатился через все поле и подъехал чуть ли не к самому домику. Я смотрела на этот самолетик и думала, что сохранение равновесия в природе – штука чрезвычайно важная. Ту-114, севший на этом поле, нарушил бы все пропорции. А этот самолетик был как раз под стать избушке и старику в телогрейке. Они были просто из одной компании.

Старик же был несказанно удивлен. Будто он ждал не этот самолетик, а по меньшей мере суперлайнер. Он вроде бы даже растерялся.

Открылась дверь, и на землю выпрыгнул рыжий мальчишка лет двадцати в летной форме. Выпрыгнул и тут же устался на меня.

– Приветик, дядя Паша! – крикнул мальчишка, с удовольствием разглядывая меня. – Кого ищешь?

– А Сергей Николаевич-то где, «приветик»? – удивленно спросил старик. – Мне звонили, будто он прилетит.

– На пенсии твой Сергей Николаевич, – весело ответил рыжий и впервые посмотрел на старика.

– Ври больше! – обиделся старик. – Ты за движком?

– Ага... – Рыжий снова устался на меня.

– Димитрий! Возьми товарища, они по болезни от группы отставшие... – попросил старик и ткнул в меня пальцем.

– Ты что, сдурел? Порядков не знаешь? Ну ты, дядя Паша, даешь!..

Но я уже понимала, что он меня обязательно возьмет. Ему жутко хотелось меня взять.

– Мне действительно очень нужно, – тихо проговорила я и опустила глаза. А затем снова подняла их на рыжего и сказала: – Пожалуйста...

Вот эти глаза вниз, потом наверх и тихое «пожалуйста» на мальчишек до двадцати трех лет действуют безотказно. Правда, этим нужно уметь пользоваться. Чем реже, тем лучше. Сохраняется свежесть и точность попадания. Меня этот прием уже раза два выручил из довольно рискованных ситуаций. И теперь я его берегу только для критических моментов. Это мой, так сказать, РГК – резерв главного командования...

...Когда мы с этим рыжим Димкой взлетали, я решила вознаградить себя за маленькое унижение на земле. Я ласково погладила какой-то прибор со стрелкой и спросила:

– Скажите, Дима, это действительно тот самый самолет, на котором в тысяча девятьсот десятом году летали Александр Иванович Куприн и борец Заикин?

– Нет, что вы!.. – тут же ответил этот рыжий. – Это значительно более ранняя модель... На этом самолете в девятьсот восьмом разбился Сергей Исаевич Уточкин. К счастью, он отделался легкими ушибами, а самолет удалось, как вы видите, недурно починить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.